

Едва миновал час Чэнь, в небо взмыл пепел — по обычаю предков первыми предали огню бумажных волов и лошадей.

Поскольку Чэнь Цинъянь не оставил после себя наследников, впереди процессии, неся поминальное знамя и погребальную чашу, шел его младший брат Чэнь Цинсун. Следом, оглашая воздух плачем, ступали Чэнь Цинъюнь и Ван Ин.

Сегодня в поместье собралась вся родня. Помня, что всего два месяца назад они гуляли здесь на свадьбе, гости лишь горестно качали головами, сокрушаясь о безвременном уходе столь молодого и достойного преемника рода.

Чэнь Бяо распоряжался повсюду, покрикивая на слуг и наемных рабочих. Он держался с такой спесью, словно уже стал полноправным хозяином дома. Внимательные наблюдатели понимали: отныне власть в старшей ветви семьи Чэнь, скорее всего, перейдет в другие руки. И как бы прискорбно это ни было, даже обращение к властям едва ли могло помочь — кто виноват, что у покойного главы не осталось взрослого сына, способного защитить родной порог?

Чэнь Жун, стоявшая подле Госпожи Ли, украдкой утирала слезы. Глядя на бесчинства второго брата, она всё больше убеждалась: Янь-эр и впрямь мог пасть жертвой чужого злого умысла, как и предполагала невестка.

Когда пришло время, распорядитель, не медля ни секунды, велел заколачивать гроб и выносить его со двора.

— Не смейте! — Чэнь Цинъюнь преградила путь носильщикам. — Не дам унести брата!

Матушка Тянь поспешно схватила её за плечи, пытаясь оттащить.

— Вторая барышня, не безумствуйте! — взмолилась она. — Нельзя пропускать благодатный час.

Видя, что дочери не справиться, Госпожа Ли сама припала к гробу, захлебываясь в рыданиях.

— Ох, горемычный мой сын! Не отдаст тебя мать, не отпустит!..

Тётушка Чэнь Жун тоже не выдержала, заливаясь слезами.

— Невестка, ну к чему эти терзания? — спросила она. — Дайте дитяти уйти с миром.

Его сердце пылало от нетерпения — пока Чэнь Цинъянь не предан земле, законно завладеть имуществом не выйдет. Мужчина сухо приказал наемникам оттащить Госпожу Ли.

Но едва крышка гроба должна была опуститься на место, как Ван Ин, подобрав подол траурных одежд, одним махом запрыгнул внутрь.

— Попробуйте только закрыть! — выкрикнул он, преграждая путь рабочим.

— Ох, что же это творится?! — Родня в ужасе запричитала.

Никому еще не доводилось видеть столь дерзкого безумца, решившегося прыгнуть в гроб к мертвецу. Чэнь Бяо уже едва сдерживал раздражение, но всё же старался сохранять маску благопристойности.

— Человек мертв. Что за комедию вы ломаете, не давая вынести тело? Неужто желаете, чтобы душа Янь-эра не знала покоя?

— Четвертый дядя еще не прибыл! — возразил Ван Ин. — Подождем его возвращения, тогда и предадим земле.

— Вы известили Чэнь Цзина?

— Именно так.

— Он не успеет. От Лайчжоу сюда более шести сотен ли. Пока он доберется, тело Янь-эра истлеет. А ну вылезай, немедленно выносите гроб!

— С чего бы это Второй дядя так торопится? — Ван Ин прищурился. — Неужто боится, что его гнусные дела выплывут наружу?

Лицо мужчины мгновенно изменилось в цвете.

— Не понимаю, о чем ты болтаешь!

— Разве не вы дали мышьяк Тянь Сяолю? Неужто память отшибло? Что же, прикажете позвать его сюда, чтобы он всё разъяснил при свидетелях?

Среди собравшихся родственников пронесся гул.

— Какой еще мышьяк? Разве Чэнь Цинъянь не от болезни скончался?

— Это... это уж чересчур! Как у него рука поднялась, разве не совестно перед памятью старшего брата?

— То-то он так хлопотал, ирод, — видать, совесть нечиста!

Прятавшаяся в толпе Матушка Тянь, едва услышав слова Ван Ина, попыталась ускользнуть. Но не успела она добежать до вторых ворот, как путь ей преградили Дядя Чэнь и Цю Ань, ждавшие в засаде. Одному пришлось зажать ей рот, другому — связать руки. Бесшумно, словно тени, они утащили её в дровяной сарай, где уже томились под замком Старик Тянь и Тянь Сяолю. Последних поймал в городе Хуан Сань и лично доставил в усадьбу.

Чэнь Бяо покрылся холодным потом. Он не мог взять в толк, как Ван Ин прознал о тайном умысле. Сейчас оставалось лишь одно — во что бы то ни стало зарыть гроб, иначе, если вызовут коронера для вскрытия, беды не миновать!

— Он явно рассудком повредился! Чего замерли? Выволакивайте его и несите гроб на кладбище! — прикрикнул он на наемников.

Но Ван Ин, будто по волшебству, извлек из-за пазухи острый нож и выставил перед собой.

— Ну, кто рискнет?! — вскричал юноша. — Говорю один раз: кто хоть на шаг подойдет — прирежу на месте! Одного приколю — не обидно, двоих — в прибыли буду!

Говорят, лихой боится наглого, а наглый — того, кому жизнь не мила. Ван Ин выглядел столь решительно, что люди невольно попятились: не стоило жалкое вознаграждение того, чтобы расставаться с жизнью.

Лежащий в гробу Чэнь Цинъянь безмолвно взирал на стоящего над ним человека. Белые одежды супруга развевались на ветру, траурная лента в волосах билась, словно живая, а тонкое лицо хранило печать суровой и непоколебимой воли.

В уме Цинъяня сами собой всплыли строки древней оды.

«Вот благородный муж — в сиянии камней, в узорах на челе, подобно ясным звездам...»

Сердце его внезапно пропустило удар, сбившись с привычного ритма. Видя, что события принимают скверный оборот, Второй дядя отбросил притворство.

— Я по доброте душевной взялся за похороны, а ты не только не ценишь этого, но еще и клеветешь! Это переходит всякие границы!

— Если бы не жажда прибрать к рукам наше добро, разве стали бы вы проявлять такое рвение?

— Ван Ин лишь холодно усмехнулся. — Осмелитесь ли вы поклясться перед алтарем предков, что впредь не притронетесь ни к единому медяку из имущества старшей ветви?

— Ван Ин, будь ты покорен и послушен, я бы еще подумал, не оставить ли тебя в доме за кусок хлеба. Но теперь вижу — нет тебе здесь места. Как пройдут похороны, отправишься в Аньтан — монастырь для провинившихся, там и очистишь имя семьи от позора!

Монастыри эти были местом, куда ссылали оступившихся женщин и гэ'эров. Раз попав туда, человек обрекал себя на пожизненное заточение, если только родня не выкупала его за огромные деньги.

Ван Ин гневно расхохотался.

— Тебе ли решать мою участь?

Чэнь Бяо развел руками.

— Кому же еще, если не мне, брат на себя заботу о доме? Жаль, Чэнь Цинъянь оказался таким непутевым — живи он сейчас, мне бы и слова не дали, верно?

Чэнь Жун больше не могла молчать.

— Второй брат, что за речи ты ведешь?! Прах Янь-эра еще не остыл, как ты можешь так обходиться с его супругом?

— Замолчи! Ты — отрезанный ломоть, выданная замуж девица, не тебе здесь порядки устанавливать!

Чэнь Жун едва не лишилась чувств от такого удара. Она и представить не могла, что брат ни во что не ставит их кровные узы. Впрочем, чему удивляться? Тот, кто ради денег готов сгубить родного племянника, давно вытравил из сердца всякую привязанность.

— Вдовец без родни, которая могла бы заступиться... И ты думаешь тягаться со мной? Даже если это я подсыпал яд — и что с того? Что вы мне сделаете?

Уголки губ Ван Ина чуть приподнялись.

— Что же, Второй дядя наконец-то сознался.

— В чем это я сознался?

— Чэнь Бяо! — Громовой голос, раздавшийся из-за навеса, заставил того вздрогнуть. Он обернулся, не веря собственным глазам.

В поминальный зал вошел мужчина средних лет. Невысокий, с аккуратной клиновидной бородкой, облаченный в темно-коричневый халат с узкими рукавами. Это был четвертый брат семейства — Чэнь Цзин.

С непроницаемым лицом он подошел ко Второму брату и, не дав тому вымолвить ни слова, наотмашь влепил ему пощечину. От удара тот пошатнулся.

— Это тебе от старшего брата.

Вторая пощечина, еще более мощная, разбила Чэнь Бяо нос в кровь.

— А это — за Цинъяня! Тварь неблагодарная, ни стыда в тебе, ни совести!

У виновника в голове загудело. Прижимая руку к лицу, он ошарашенно уставился на пришедшего. Смерть Цинъяня случилась всего семь дней назад. Путь от Лайчжоу до городка занимал столько же времени. Неужто Четвертый обладал даром предвидения и выехал заранее?

— Четвертый... брат... верно, вышло какое-то недоразумение! Клянусь, смерть Янь-эра — не моих рук дело!

— Не твоих? — Чэнь Цзин сузил глаза. — Что же, Янь-эр, выходи да скажи сам, как о тебе Второй дядя «заботился»!

— Слушаюсь, — донеслось из гроба.

Гости замерли. Те, кто был посмелее, округлили глаза, а малодушные и вовсе едва не лишились чувств — как может покойник подавать голос?!

Под прицелом десятков взглядов Чэнь Цинъянь медленно сел в гробу и, склонив голову, поприветствовал прибывшего.

— Племянник приветствует Четвертого дядю.

Чэнь Бяо вытаращил глаза.

— Ты... ты жив?!

— Увы, пришлось разочаровать Второго дядю. Судьба моя оказалась крепче, чем вы надеялись.

— Так что же это... что вы затеяли?!

— Всего лишь подмости для спектакля, в котором вы сыграли главную роль, — Ван Ин с улыбкой помог мужу выбраться из гроба.

В мгновение ока до Чэнь Бяо дошло всё: они знали о яде и нарочно разыграли эту смерть, чтобы вывести его на чистую воду. Лицо его вмиг утратило последние краски, и он, лишившись сил, осел на землю.

— Что ты обещал мне, когда умирал старший брат?! Клялся, что присмотришь за вдовой и детьми! Так вот какова твоя «забота»?!

Преступник всё еще пытался отнекиваться.

— Нет, не я... это всё оговор, навет!

В этот момент Дядя Чэнь вытолкнул к алтарю Тянь Сяолю и пинком заставил его упасть на колени.

— Говори всё, что знаешь!

Сяолю, уже доведенный до иступления страхом, закричал, зажмурившись:

— Мышьяк дали они! Второй господин обещал, что как только молодой хозяин преставится, мне половину земель отпишут! Бес попутал, польстился я на посулы! Пощадите, господа, помилуйте!..

— Брехня! Никогда я такого не говорил!

— У меня и грамота есть! — Тянь Сяолю трясущимися руками выудил из-за пазухи свиток.

Чэнь Цзин вырвал его, быстро пробежал глазами, и ярость его достигла предела. Он нанес сокрушительный удар ногой, повалив негодея на землю.

— Скотина неблагодарная! Даже пса хуже!

— Не смей бить отца! — Чэнь Цинлин бросился на защиту, но был тут же схвачен стражниками.

Видя, что дело приняло дурной оборот, Чэнь Цинфэн попытался незаметно улизнуть. Но едва он вышел за порог поминального зала, как обнаружил, что всё поместье оцеплено стражниками. Сникнув, он побрел обратно.

Поняв, что оправдываться бессмысленно, мужчина отбросил всякое достоинство. Глотая слезы, он закричал:

— По какому праву ты меня бьешь?! В этом добре и моя доля должна была быть! Отец с матерью всегда тебя выделяли, при разделе всё серебро тебе отдали, а поместье и земли — старшему брату! Мне же достались пять жалких лавок, что и меди ломаной не приносят! Мы одной крови, от одних родителей! Почему мне ничего не досталось?!

— Отец и хотел бы тебе дать больше, да разве ты бы удержал? — Чэнь Цзин процедил сквозь зубы. — Сколько из тех лавок у тебя осталось?

— Так то Цинфэн в кости просадила, я-то при чем?!

— Сын не обучен — отцова вина! Где ты был, когда он первый раз в игорный дом полез? А теперь, когда всё пустил по ветру, решил на братьев каравай рот раззявить? Нет в подлунном мире такой справедливости!

Тот замер, словно дохлая свинья, которой не страшен кипяток.

— Ловко же ты, племянничек, всё обстригал. Раз так — делайте со мной что хотите.

Ван Ин с тревогой глянул на Чэнь Цзина. С одной стороны — родной брат, с другой — племянник. Трудно судье разбирать домашние распри, на чью сторону он встанет?

— Чэнь Бяо виновен в покушении на убийство! — отчеканил Чэнь Цзин. — Стража! Взять его и препроводить в управу для дознания!

— Четвертый... ты... что ты творишь?! — Второй брат запаниковал. Он подполз и вцепился в рукав Чэнь Цзина. — Цинъянь же жив! Давай замнем это дело, а?

— Замнем? На этот раз ему повезло, он прознал о твоём коварстве. А если бы нет?

— Клянусь, больше никогда!.. Я виноват, признаю! Брат, Четвертый, мы же одной крови!

Тот стряхнул его руку.

— Увести его!

Сердце Ван Ина наконец успокоилось. Чэнь Жун и Госпожа Ли со слезами на глазах подошли ближе.

— Четвертый брат...

— Невестка, простите, что заставил вас пережить такие муки.

Чэнь Циньянь опустился на колени, склоняя голову до земли.

— Благодарю Четвертого дядю за то, что восстановил справедливость!

Чэнь Цзин поспешно поднял его, и в глазах его отразилось горькое раскаяние при виде изможденного лица племянника.

— Виноват я перед старшим братом — не уберег вас.

Госпожа Ли всхлипнула.

— Как можно тебя винить? У тебя служба, дела, а ты в такую даль примчался. Век буду тебе благодарна.

— А это, стало быть, Ин-эр?

— Приветствую Четвертого дядю, — Ван Ин, подражая мужу, отвесил низкий поклон.

Чэнь Цзин подхватил его под руки.

— Доброе дитя. Всё это — твоя заслуга.

— Я лишь исполнил свой долг. Дядя, путь был долгим и трудным, прошу вас, пройдите в дом, выпейте чаю, тогда и поговорим.

— Хорошо. Идемте.

Лишь тётушка Чэнь Жун стояла, совершенно сбита с толку.

— Да объяснит мне кто-нибудь, что здесь всё-таки произошло?!

<http://bllate.org/book/15812/1428128>